

Логика, или Искусство мыслить

А. Арно, П. Николь

*Никакой вздор не бывает настолько несносным, чтобы ни у кого не встретить одобрения.
А. Арно, П. Николь. "Логика, или Искусство мыслить"*

*Неправильность ума порождает не только те заблуждения, которые проникают в науки. Она является причиной большей части ошибок, совершаемых нами в повседневной жизни: беспочвенных раздоров, безосновательных тяжб, скоропалительных решений, непродуманных начинаний. Все перечисленное редко имеет иной источник, помимо какой-нибудь погрешности или ошибки в суждении, так что исправить названный недостаток для нас важнее, чем какой-либо другой.
А. Арно, П. Николь. "Логика, или Искусство мыслить"*

Глава XX

Перевела с фр. В. П. Гайдамака

О НЕПРАВИЛЬНЫХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯХ, ДОПУСКАЕМЫХ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И В ОБЫДЕННЫХ РАЗГОВОРАХ

Мы не проводим различия между ложными суждениями и неправильными умозаключениями и исследуем причины как тех, так и других, — во-первых, потому, что ложные суждения являются источником неправильных умозаключений и с необходимостью приводят к ним; во-вторых, потому, что на самом деле в том, что кажется нам простым суждением, почти всегда содержится неявное и свернутое умозаключение, ибо всегда есть нечто, что служит причиной и основанием данного суждения.

Например, когда выносят суждение, что палка, кажущаяся в воде переломленной, действительно такова, это суждение основано на том ложном общем положении, что предметы, которые представляются нашим чувствам переломленными, действительно таковы, и, следовательно, оно содержит в себе умозаключение, хотя и не развернутое.

Итак, мы будем рассматривать причины наших заблуждений в целом. Нам думается, что их можно свести к двум основным: это внутренняя причина, а именно вмешательство воли, нарушающей и расстраивающей способность суждения, и внешняя, каковой являются предметы, о которых выносят суждение и которые обманывают ум ложной видимостью. Хотя эти причины почти всегда сопутствуют друг другу, все же одни заблуждения вызваны скорее первой из них, а другие — второй; поэтому мы рассмотрим их по отдельности.

Софизмы самолюбия, личного интереса и страсти

Если как следует разобраться, что обычно заставляет людей придерживаться одного мнения, а не другого, то обнаружится, что это не знание истины и не сила доводов, а узы самолюбия, личного интереса или страсти. Это груз, который склоняет чашу весов и, как правило, определяет наш выбор в случае колебаний; это главное, что движет нами, когда мы выносим суждения, и укрепляет нас в наших мнениях. Мы судим о вещах не по тому, каковы они сами по себе, а по тому, каковы они по отношению к нам; истинность и полезность для нас одно и то же.

Этому не требуется иных подтверждений, помимо того, что мы видим каждодневно: вещи, повсюду почитаемые сомнительными или даже ложными, считаются совершенно достоверными у людей какой-либо одной национальности или одного рода занятий или же у всех приверженцев какого-либо учения. Поскольку невозможно, чтобы то, что истинно в Испании, было ложным во Франции или чтобы все испанцы столь отличались по своему направлению ума от всех французов, что, если судить о вещах согласно правилам разума, суждение, истинное с точки зрения любого испанца, казалось бы ложным любому французу, — постольку очевидно, что это различие в суждениях не может быть вызвано не чем иным, кроме как тем, что одни считают истинным то, что им выгодно, а другие, имея свой интерес, рассуждают иначе.

Но есть ли что-нибудь более неразумное, чем верить во что-либо на основании одного только собственного интереса? Личная заинтересованность может, самое большее, побудить вас более внимательно рассмотреть доводы, которые, возможно, помогут нам выявить истинность того, что мы хотели бы считать истинным, но убедить нас должна только истина самих вещей, не зависящая от наших желаний. «Я живу в такой-то стране, следовательно, я должен верить, что такой-то святой проповедовал здесь Евангелие». «Я принадлежу к такому-то сословию, следовательно, я должен верить, что такая-то привилегия оправданна». Это не доводы. К какому бы сословию вы ни принадлежали и в какой бы стране ни жили, вы должны верить лишь в то, что истинно и во что вы были бы расположены верить, если бы жили в другой стране, принадлежали к другому сословию и имели другой род занятий.

Эта иллюзия еще более очевидна, когда происходит перемена в страстях; ибо, хотя все остается на своих местах, людям, волнуемым новой страстью, кажется, будто перемена, происшедшая на самом деле только у них в сердце, коснулась и всех внешних вещей, имеющих какое-то отношение к их страсти. Сколько мы видим людей, которые уже не могут признать никакого достоинства — ни прирожденного, ни приобретенного, в тех, к кому они прониклись отвращением, или в тех, кто оспаривает их мнение по какому-нибудь вопросу или поступает вопреки их желаниям и интересам! Этого достаточно, чтобы сразу стать в их глазах безрассудными, спесивыми, невежественными, не имеющими ни веры, ни чести, ни совести.

Если они кого-нибудь любят, для них это человек без недостатков. Все, чего они желают, оправданно и легко, все, что им неудобно, неоправданно и невозможно. Для всех этих суждений они не могут привести никакого основания, кроме самой овладевшей ими страсти. Таким образом, хотя они и не составляют в уме явного умозаключения: «Я его люблю, следовательно, это самый ученый человек на свете»; «Я его ненавижу, следовательно, это человек ничтожный», — они в каком-то смысле составляют его в своем сердце.

Поэтому заблуждения подобного рода можно назвать софизмами и иллюзиями сердца; они

состоят в том, что мы переносим наши страсти на самые предметы этих страстей, заключая, что они суть то, чем мы хотим их видеть, а это, конечно же, верх нелепости, ибо наши желания ничего не меняют в бытии того, что от нас не зависит...

К этой же иллюзии самолюбия можно отнести самообольщение тех людей, которые решают любые вопросы, исходя из весьма общего и весьма простого принципа, а именно что они правы, что им известна истина. Из этого им нетрудно заключить, что все, кто не разделяет их мнений, ошибаются; действительно, такое заключение следует отсюда с необходимостью.

Заблуждение подобных людей проистекает только из того, что, будучи весьма высокого мнения о собственном уме, они воображают, будто все их мысли настолько ясны и очевидны, что достаточно их высказать — и все признают их истинность; поэтому они не заботятся о подтверждении своих мыслей, не прислушиваются к доводам других и всегда стараются взять авторитетом, ибо разум и их личный авторитет для них неразделимы. Они считают верхоглядами всех тех, кто расходится с ними во мнениях, и не принимают в соображение, что если другие не разделяют их мнений, то ведь и они не разделяют мнений других и что не должно предполагать свою правоту как нечто само собой разумеющееся, когда мы хотим переубедить людей, придерживающихся иного мнения только потому, что они уверены в нашей неправоте.

Есть и такие, кто отвергает те или иные мнения на основании следующего забавного умозаключения: «Если бы это было так, то я не был бы сведущим человеком; но я сведущий человек; следовательно, это не так». Это главная причина, заставлявшая людей долгое время отвергать некоторые весьма полезные средства и совершенно неоспоримые опыты, потому что у тех, кто о них узнавал, возникала мысль, что, стало быть, они до сих пор заблуждались. «Если бы кровь, — говорили они, — совершала в теле кругообращение; если бы было неверно, что питательные соки поступают в печень по междольковым венам; если бы кровь в сердце несла венозная артерия; если бы кровь поднималась по нижней полой вене; если бы природа не боялась пустоты; если бы воздух обладал весом и своей тяжестью давил вниз, — все это означало бы, что я недостаточно сведущ в анатомии и физике, раз мне неизвестны столь важные истины. Следовательно, так быть не должно».

Но человеку простительно ошибаться, и он останется сведущим в других вопросах, даже если он не будет знать о новых открытиях.

Очень часто доводится слышать, как люди обращают друг к другу одни и те же упреки, называя друг друга, к примеру, упрямыми, пристрастными, придирчивыми, когда они придерживаются разных мнений. Мало бывает таких тяжб, чтобы спорящие не обвиняли друг друга в затягивании процесса и в сокрытии правды с помощью хитросплетений, так что правые и неправые говорят почти что одним языком, сетуют на одно и то же и приписывают друг другу одни и те же пороки. Это одна из наших главных бед: истина и заблуждение, справедливость и несправедливость окутываются из-за этого столь густым мраком, что большинство людей неспособно их различить; поэтому многие наугад и вслепую присоединяются к одной из сторон, а иные осуждают обе стороны как равно заблуждающиеся.

Порождается эта странность той же болезнью, из-за которой каждый исходит из принципа, что он прав: ведь отсюда нетрудно заключить, что все, кто нам перечит, упрямы, поскольку быть упрямым — значит не соглашаться с тем, кто прав.

Хотя упреки в пристрастности, в слепоте, в придирках, совершенно несправедливые со стороны людей заблуждающихся, справедливы и законны со стороны тех, кто не

заблуждается, однако же, поскольку эти упреки предполагают, что истина на стороне того, кто их высказывает, люди умные и рассудительные, обсуждая какой-либо спорный вопрос, должны воздерживаться от них, пока не подтвердят правоту дела, которое они защищают. И значит, они никогда не станут обвинять своих противников в упрямстве, безрассудстве, отсутствии здравого смысла, пока это не будет ими доказано. Они не станут говорить, если они этого еще не показали, что те впадают в несносные нелепости и сумасбродства, — ведь и другие, со своей стороны, скажут о них то же самое, и спор зайдет в тупик. Таким образом, они удовольствуются тем, что будут защищать истину подобающим ей оружием, которым не сумеет воспользоваться ложь: это оружие — ясные и основательные доводы.

* * *

Человек по природе своей не только самолюбив — он еще и ревнив, завистлив, злобен по отношению к другим людям. Ему трудно примириться с тем, что у кого-то есть преимущество перед ним: он хочет, чтобы всеми преимуществами обладал только он один; а так как знать истину и нести людям новый свет — это определенное преимущество, человек втайне алчет похитить у других эту славу, что часто заставляет его безосновательно оспаривать чужие мысли и изобретения.

Таким образом, если самолюбие часто побуждает людей делать нелепое умозаключение: «Это мнение, к которому я пришел, это суждение, для меня приемлемое; следовательно, оно истинно», то злоба нередко побуждает их делать другое умозаключение, не менее абсурдное: «Это сказал не я, а другой, следовательно, это ложно; эта книга написана не мною, следовательно, она никуда не годится».

В этом источник столь свойственного людям духа противоречия. Когда они слышат что-то от других или читают что-либо написанное другими, они не склонны останавливать свое внимание на доводах, которые могли бы их убедить, а стараются только найти доводы, с помощью которых они могли бы это опровергнуть. Они всегда стоят на страже против истины и помышляют лишь о том, как бы ее отвергнуть и затемнить, в чем они почти всегда достигают успеха, ибо плодovitость человеческого ума в измышлении ложных доводов неистощима.

Этот порок, развитый сверх всякой меры, является одним из главных признаков педантизма: ведь для педанта величайшее удовольствие — мелочно придирается к другим и злобно оспаривать все подряд. Но часто он более скрыт, и можно даже сказать, что от него не свободен ни один человек, так как он коренится в самолюбии, а самолюбие в людях неистребимо.

Знание того, что в глубине души люди настроены злобно и завистливо, позволяет установить одно из важнейших правил, которые надо соблюдать, чтобы не ввергать в заблуждение тех, с кем мы говорим, и не давать им уклоняться от истины, в коей мы хотим их убедить. Оно состоит в том, чтобы возбуждать в них как можно меньше зависти и ревности, говоря о себе или о предметах, которые могли бы вызвать у них эти чувства.

Ибо люди, питая любовь лишь к себе самим, не терпят, чтобы другой обращал на себя их внимание и хотел, чтобы на него смотрели с уважением. Все, что они не относят к самим себе, им ненавистно и докучно, и враждебность к людям обычно оборачивается у них враждебным отношением к тем или иным мнениям и доводам. Поэтому умные люди не

выставляют перед другими своих преимуществ. Они не стремятся быть на виду и, наоборот, стараются затеряться в общей массе и быть незаметными, дабы в их речах воспринимали одну только высказанную ими истину.

Полезно не усвоить дурную привычку иных людей, говорящих только о себе и всюду заявляющих себя, когда их мнения никто не спрашивает. Это дает повод тем, кто их слушает, подозревать, что столь частное обращение взора на самих себя вызвано тайным самодовольством, по стоянно направляющим их внимание на этот предмет их любви, так что у слушающих естественно возникает скрытое отвращение к подобным людям и ко всему, что они говорят.

* * *

От злобного и ревнивого прекословия несколько отличается другая настроенность, не столь предосудительная, но порождающая те же ошибки в умозаклучениях. Это страсть к спорам, также являющаяся недостатком, который очень вредит уму.

Было бы неверно порицать споры вообще; напротив, можно сказать, что если их правильно вести, нет ничего, что открывало бы большие возможности и для того, чтобы найти истину, и для того, чтобы убедить в ней других. Ум, занятый только исследованием какого-либо предмета, обыкновенно слишком холоден и слишком вял; ему нужен некоторый пыл, оживляющий его и пробуждающий в нем идеи. К тому же именно благодаря различным возражениям, которые нам приходится выслушивать, мы обычно обнаруживаем, в чем заключаются трудность и неясность, и делаем усилие, чтобы их преодолеть.

Но насколько это упражнение полезно, когда спорят с толком и без всякого пристрастия, настолько же оно и опасно, когда им злоупотребляют и считают делом чести отстоять свое мнение любой ценой, опровергнув мнение других. Подобная настроенность, как ничто другое, способна отдалить нас от истины и ввергнуть в заблуждение. Незаметно для себя мы привыкаем черпать доводы отовсюду и пренебрегать чужими доводами, так как мы постоянно отказываемся их признавать; это постепенно приводит к тому, что для нас уже не остается ничего достоверного и мы смешиваем истину с заблуждением, рассматривая то и другое как одинаково правдоподобное. Мы стараемся возражать и защищаться, потому что боимся не заблуждения, а молчания и считаем, что не так стыдно постоянно заблуждаться, как признавать свои ошибки.

Вот почему, если мы не научились благодаря длительному упражнению хорошо владеть собой, в спорах очень трудно не потерять из виду истину, ибо мало какие действия возбуждают больше страстей.

Враждебное чувство вызывают в нас сперва доводы противников, а затем и сами люди. Мы учимся в споре лишь возражать, а так как каждый только возражает и выслушивает возражения, это приводит к тому, что теряется, уничтожается истина. Один из спорщиков устремляется на запад, другой — на восток, оба они теряют из виду самое главное, плутая в дебрях несущественных частных. После часа бурного обсуждения они уже сами не знают, чего ищут: один погрузился на дно, другой залез слишком высоко, третий метнулся в сторону.

Тот цепляется за одно какое-нибудь слово или сравнение; этот настолько увлекся своей собственной речью, что не слышит собеседника и отдается лишь ходу своих мыслей, не обращая внимания на ваши. А третий, сознавая свою слабость, всего боится, все отвергает, с самого начала путает слова и мысли или же в разгаре спора вдруг раздраженно умолкает, напуская на себя горделивое презрение от досады на свое невежество либо из глупой ложной скромности уклоняясь от возражений.

Одному важно только наносить удары и все равно, что при этом он открывает свои слабые места. Другой считает каждое свое слово, и они заменяют ему доводы.

Один действует только силой своего голоса и легких. Другой делает выводы, противоречащие его же собственным положениям. Тот вооружен лишь бранными словами и ищет любого пустякового предлога, чтобы рассориться и тем самым уклониться от беседы с человеком, с которым он не может тягаться умом.

* * *

Находятся люди, которые, хорошо сознавая, сколь досаден и неприятен этот дух противоречия, избирают прямо противоположный путь: они ничего не оспаривают, а одинаково всё хвалят и одобряют. Такая настроенность называется снисходительностью; она более способствует успеху, по столь же неблагоприятна для способности суждения, ибо, как прекословящие принимают за истинное противоположное тому, что им говорят, так снисходительные, кажется, считают истинным все, что слышат, и эта привычка портит сначала их речь, а затем и ум.

Тот, кто привыкает все хвалить, привыкает и все одобрять. Но даже если бы ложь содержалась только в словах, а не в уме, одного этого было бы достаточно, чтобы отвратить от нее тех, кто искренне любит истину.

Нет необходимости бранить все, что мы видим дурного; но хвалить надо лишь то, что поистине достойно похвалы. Иначе у тех, кого хвалят понапрасну, порождают иллюзии, тех, кто судит об этих людях по таким похвалам, вводят в заблуждение, а тем, кто действительно заслуживает похвал, наносят ущерб, воздавая им такие же хвалы, как и людям, их не заслуживающим; наконец, пустыми похвалами подрывают всякое доверие к языку и затуманивают идеи, обозначаемые словами, так что слова становятся уже не знаками наших суждений и мыслей, а только знаками внешней учтивости по отношению к тем, кого мы хвалим, чем-то вроде поклона, ибо это все, что кроется за обычными похвалами и комплиментами.

* * *

Говоря о различных путях, коими самолюбие ввергает людей в заблуждение или, вернее, укрепляет их в заблуждении и мешает им преодолеть его, не следует забывать тот, который, несомненно, является одним из самых главных и самых обычных. Это желание отстоять

какое-то мнение, которого придерживаются не потому, что оно истинно, а по другим соображениям. Когда человек решил защищать свое мнение до конца, он уже не смотрит, истинны или ложны приводимые им доводы, — ему важно одно: могут ли они убедить в том, что он отстаивает. Он прибегает к самым различным доказательствам, и правильным, и ошибочным, чтобы убедить всякого, и подчас даже высказывает мысли, как ему прекрасно известно, совершенно ложные, только бы достичь своей цели.

Но в подобные заблуждения мы впадаем по собственной воле, и чтобы их избежать, требуется лишь немного добросовестности. Наиболее же распространенные и наиболее опасные заблуждения — те, которых не сознают, потому что желание отстоять определенное мнение затуманивает умственный взор и заставляет человека принимать за истинное все, что служит его цели. Против этого есть только одно средство — полагать своей целью одну лишь истину и разбирать умозаключения с такой тщательностью, чтобы даже заинтересованность в обосновании того или иного мнения не могла ввести нас в обман.

Ложные умозаключения, порождаемые самими предметами

Мы уже отметили, что не следует отделять внутренние причины наших заблуждений от тех, которые связаны с самими предметами и могут быть названы внешними; ведь обманчивый внешний вид предметов не мог бы ввергнуть нас в заблуждение, если бы воля не побуждала ум выносить поспешное суждение, когда он еще недостаточно просветлен.

Но так как воля не может оказывать влияние на разум в вещах совершенно ясных, то очевидно, что темнота самого предмета имеет здесь немаловажное значение, и даже нередки случаи, когда страсть, склопяющая к неверным умозаключениям, почти неощутима. Вот почему полезно отдельно рассмотреть те иллюзии, которые порождаются в основном самими вещами,

* * *

Мнение, будто истина настолько сходна с ложью, а добродетель — с пороком, что их невозможно различить, ложно и нечестиво. Однако справедливо, что чаще всего нам встречается смесь заблуждения и истины, порока и добродетели, совершенства и несовершенства и что эта смесь — один из главных источников наших ложных суждений.

Ведь именно эта смесь вводит нас в заблуждение, когда, видя достоинства людей, нами уважаемых, мы одобряем и их недостатки или, зная недостатки тех, кого мы не уважаем, осуждаем и то, что есть в них хорошего; ибо мы обычно не учитываем, что и самые несовершенные люди несовершенны не во всем и что даже самых добродетельных людей Бог не избавил от несовершенств, которые, будучи проявлениями человеческой слабости, не должны быть ни примером для подражания, ни предметом уважения.

Все дело в том, что мы редко рассматриваем вещи во всех подробностях; мы судим о них по

самому сильному своему впечатлению и воспринимаем только то, что нас больше поражает. Так, если в чем-либо рассуждении мы находим много истин, мы не замечаем примешанных к ним заблуждений и, наоборот, если истины смешаны с многочисленными заблуждениями, мы обращаем внимание только на заблуждения, ибо сильное берет верх над слабым и наиболее яркое впечатление подавляет то, которое более смутно.

Однако очевидно, что судить подобным образом нельзя. Не может быть основательной причины отвергать здравый смысл, и истина не становится в меньшей мере истиной оттого, что она смешана с ложью: она никогда не принадлежит людям, хотя и высказывается людьми. И следовательно, если люди за свою ложь заслуживают осуждения, то истины, которые они высказывают, осуждаться не должны.

Поэтому справедливость и разум требуют, чтобы везде, где смешаны благо и зло, между ними проводили различие; в таком разумном разделении в особенности проявляется правильность ума...

Разум обязывает нас отделять благо от зла всегда, когда это можно сделать; но когда у нас нет времени тщательно разбирать, что есть в вещах хорошего и дурного, в таких случаях надо давать им то имя, какого они заслуживают в зависимости от наиболее значительной их части. Так, следует говорить, что некто хороший философ, если он обычно рассуждает правильно, и что книга хорошая, если в ней гораздо больше хорошего, чем дурного.

Но люди часто ошибаются и в этих общих суждениях; они часто ценят и хулят вещи по тому, что в них менее значительно, ибо они не улавливают, что является главным, если это не самое осязаемое. Например, если люди, искусные в живописи, гораздо больше ценят рисунок, нежели сочетание цветов или тонкость кисти, то на людей несведущих большее впечатление производит картина с живыми и яркими красками, нежели более мрачная, но великолепная по рисунку.

Однако надо признать, что в искусствах ложные суждения не так уж часты, потому что те, кто ничего в них не смыслит, охотнее полагаются на мнения знатоков; зато они нередки в тех вопросах, которые доступны всем, в которых каждый считает себя судьей, — таких, как, например, вопросы красноречия.

Суть красноречия состоит в том, чтобы ясно мыслить вещи и выражать их так, чтобы донести до ума слушателей живой и яркий образ, представляющий не только вещи сами по себе, но и чувства, которые испытывают, когда их мыслят. А на это способны и люди, не особенно строгие в языке и допускающие погрешности в ритмическом построении периодов. Более того, это редко удается тем, кто чересчур заботится о словах и прикрасах, потому что, превращаясь в цель, они отвлекают людей от самих предметов и притупляют их мысли.

В общем можно сказать, что люди оценивают вещи в основном по наружности, так как мало кто постигает глубину и суть. Обо всем судят по тому, что бросается в глаза, и горе тем, кто не обладает располагающими манерами! Пусть вы сведущи, умны, основательны в суждениях — если вы не бойки на язык и не умеете ответить на комплимент, вы должны знать, что люди никогда не будут оказывать вам подобающего уважения и что вам предпочтут множество ничтожных умов. Невелика беда — не пользоваться той славой, какой заслуживаешь, но большое зло — следовать подобным ложным суждениям и смотреть на вещи только с внешней стороны; этого надо старательно избегать.

К тому, что вводит нас в обман ложным блеском, мешающим нам распознать заблуждение, можно с полным основанием отнести известного рода напыщенное и выспренное

красноречие. Ибо удивительно, как неуловимо вкрадывается ложное умозаключение в период, поглощающий слух, или фигуру, которая поражает нас и отвлекает наше внимание.

Эти прикрасы не только отводят нам глаза от лжи, примешивающейся в речь, но и незаметно подталкивают к ней потому, что она часто необходима для правильности периода или фигуры. Если мы слышим, например, как кто-то начинает длинную градацию или многочленное противопоставление, мы должны быть настороже, поскольку маловероятно, что он кончит предложение, не исказив истину, чтобы приспособить ее к фигуре. Обычно оратор располагает истиной, как располагают строительным камнем или слитком для статуи: он ее обтесывает, делает длиннее или короче, придает ей новый вид, смотря по тому, что ему нужно, чтобы втиснуть ее в ту никчемную словесную поделку, которую он хочет изготовить.

Сколько ложных мыслей породило желание блеснуть остроумием! Скольких людей заставила лгать рифма! Сколько глупостей написали иные авторы из желания показать, что они пользуются только теми словами, которые употреблял Цицерон, и так называемой чистой латынью!

Подобные ошибочные умозаключения часто незаметны для тех, кто их строит, и вводят их в обман. Они обольщаются звуком своих слов, их ослепляет блеск придуманных ими фигур; выпренность иных слов неприметно для них самих склоняет их к мыслям столь неосновательным, что они, без сомнения, отвергли бы их, если бы хоть немного задумались.

К примеру, одному современному автору, вероятно, ласкало слух имя весталки, что и побудило его сказать одной девице, стыдившейся своего знания латыни, что она не должна краснеть, говоря на языке, на котором говорили весталки. Если бы он обдумал свои слова, он бы увидел, что этой девице с таким же основанием можно было бы сказать, что она должна краснеть, говоря на языке, на котором когда-то говорили римские куртизанки, кои были гораздо многочисленнее весталок, или что она должна краснеть, говоря на ином языке, нежели язык своей страны, ибо древние весталки говорили только на своем родном языке. Все эти ничего не стоящие умозаключения ничуть не уступают умозаключению нашего автора; истина же в том, что ссылка на весталок ничего не дает ни для оправдания, ни для осуждения девушек, изучающих латинский язык.

Ложные умозаключения такого рода, столь часто встречающиеся в сочинениях тех авторов, которые больше всех стараются быть красноречивыми, показывают, насколько необходимо большинству тех, кто говорит или пишет, усвоить замечательное правило: *Нет ничего прекрасного помимо того, что истинно; это изгнало бы из их речей множество пустых прикрас и ложных мыслей.* Правда, такая строгость делает слог более сухим и не столь пышным, но зато она оживляет его и делает более серьезным, более ясным и более достойным добропорядочного человека. Впечатление от подобного слога гораздо сильнее и сохраняется значительно дольше, между тем как впечатление, производимое согласованными периодами, так поверхностно, что почти тут же рассеивается.

* * *

Весьма свойственная людям ошибка — поверхностно судить о поступках и намерениях других, и совершают ее только в силу неправильного умозаключения, когда, не имея ясного представления обо всех причинах, способных вызвать некоторое действие, это действие

относят к какой-то одной причине, хотя оно может быть вызвано и другими причинами, или же предполагают, что причина, которая по стечению обстоятельств вызвала определенное действие в одном случае, должна вызывать его во всех случаях.

Например, ученый придерживается того же мнения, что и еретик, в вопросе, далеком от религиозных споров, — злобно настроенный противник выведет отсюда заключение, что он тяготеет к еретикам; но его заключение будет безосновательным и внушенным элобой, потому что к такому мнению этого ученого, возможно, склоняют разум и истина.

Писатель резко выступает против какого-то мнения, которое он считает опасным. На этом основании его обвинят в ненависти и враждебности по отношению к тем, кто его высказал, но это обвинение будет несправедливым и безосновательным: ведь резкость может идти не только от ненависти к личностям, но и от рвения к истине.

Человек находится в приятельских отношениях со злодеем; стало быть, заключают отсюда, он связан с ним общими интересами и является соучастником его преступлений. Такой вывод отсюда вовсе не следует: быть может, он о них не знал и, возможно, не принимал в них никакого участия.

Кто-то не отдает дань вежливости тем, кому ее подобает отдавать. Про него говорят, что он гордец и ведет себя вызывающе, но это, быть может, всего лишь невнимательность или просто забывчивость.

Все эти факты не являются достоверными знаками, т. е. они могут означать разные вещи, и когда подобный знак связывают с чем-то определенным, не имея для этого достаточных оснований, тем самым выносят бездоказательное суждение.

Молчание иногда служит признаком скромности и понятливости, а иногда — глупости. Медлительность иногда говорит о тугодумии, а иногда свидетельствует об осторожности. Перемена во взглядах иногда признак непостоянства, иногда — искренности. Поэтому приписывать человеку непостоянство только из-за того, что он изменил свое мнение, — значит делать неверное умозаключение, так как у него, возможно, было основание его изменить.

* * *

Одним из главных источников ошибочных умозаключений является ложная индукция, посредством которой из какого-то частного опыта выводят общие положения. Людям требуется не более трех-четырёх примеров, чтобы извлечь из них максимум или общее место, которыми они в дальнейшем пользуются как началами, чтобы выносить суждения о чем угодно.

Есть множество болезней, скрытых от самых искусных врачей, и лекарства часто не помогают — умы, склонные к крайностям, заключают отсюда, что врачебное искусство совершенно бесполезно и что это ремесло шарлатанов.

Есть легкомысленные и распутные женщины — для ревнивцев этого достаточно, чтобы беспричинно подозревать даже самых добропорядочных из них, а бесстыдные писатели из-за

этого порочат всех женщин вообще.

Часто можно встретить людей, скрывающих большие пороки под маской благочестия, — вольнодумцы заключают отсюда, что всякое благочестие не более как притворство.

Есть вещи темные и сокрытые, и люди порой глубоко заблуждаются. Все темно и недостоверно, говорят древние и новые пирронисты, мы не можем достоверно знать истинность чего бы то ни было.

В некоторых поступках людей сказывается непостоянство — этого достаточно, чтобы превратить непостоянство в общее место, распространив его на всех людей без изъятия.

Большинство людей способно описать недостатки и достоинства других только в преувеличенном виде и пользуясь одними только общими предложениями. Основываясь на нескольких поступках, заключают о привычке; три-четыре ошибки превращают в обыкновение; то, что происходит раз в месяц или раз в год, происходит, если послушать людей, ежедневно, ежечасно, ежеминутно — так мало они заботятся о том, чтобы в своих словах не погрешить против истины и справедливости.

Часто осуждаемая ошибка и несправедливость, которой, однако, мало кому удается избежать, — судить о принятых решениях по происшедшим вслед за тем событиям и возлагать на людей, принявших благоразумное решение сообразно обстоятельствам, им известным, вину за все зло, воследовавшее за этим или по чистой случайности, или из-за чьих-то козней, расстроивших их планы, или по каким-либо другим причинам, коих невозможно было предвидеть.

Желая быть и мудрыми и счастливыми, люди не делают различия между счастливым и мудрым, между несчастным и виновным. Это различие кажется им слишком тонким. Они изобретательны по части выискивания ошибок, которые, по их мнению, повлекли за собой пагубные последствия, и как астрологи, зная о каком-то происшествии, непременно найдут положение звезд, послужившее его причиной, точно так же всегда находят, что те, на кого обрушились невзгоды и несчастья, заслужили их за свое неблагоприятное поведение. «Он не добился успеха, значит, он неправ».

Так рассуждают в наши дни и рассуждали во все времена, ибо в суждениях людей всегда было мало справедливости. Не зная истинных причин вещей, они придумывают их в зависимости от последующих событий, похвально отзываясь о тех, кто достиг успеха, и осуждая тех, кто не преуспел.

* * *

Но самые частые ложные умозаключения — те, которые делают, когда смело судят об истине вещей, основываясь на авторитете, недостаточном, чтобы нас убедить, или выносят суждение о сути на основании манеры. Первое мы назовем софизмом авторитета, второе — софизмом манеры.

Чтобы уяснить, насколько они распространены, надо только принять во внимание, что большинство людей склоняется к тому или иному мнению не в силу основательных и

существенных доводов, заставляющих признать истинность этого мнения, а исходя из каких-то внешних, не имеющих отношения к делу признаков, которые сопутствуют или считаются у них сопутствующими скорее истине, нежели лжи.

Дело в том, что внутренняя истина вещей нередко скрыта, а человеческий ум обыкновенно слаб и непросветлен, полон тумана и ложного света, тогда как эти внешние признаки ясны и очевидны. Таким образом, поскольку людей привлекает более легкое, они почти всегда принимают сторону тех, в ком они находят подобные внешние признаки, которые легко заметить.

Эти признаки нетрудно свести к двум главным: авторитет того, кто выдвигает какое-либо положение, и манера, в какой оно выдвигается, — два настолько сильных средства убеждения, что лишь редкий ум способен перед ними устоять...

Мы не собираемся давать здесь какие-либо правила и устанавливать точные границы уважения, какое следует оказывать авторитету в делах человеческих; отметим лишь некоторые грубые ошибки, допускаемые в этом отношении.

Мы часто смотрим только на число свидетельствующих, не задаваясь вопросом, говорит ли их многочисленность о том, что они нашли истину; а ведь это неразумно. Ибо, как справедливо заметил один современный автор, в трудных вопросах, которые каждый должен исследовать сам, истина вероятнее всего будет открыта одним, а не многими. Следовательно, нельзя рассуждать таким образом: «Этого мнения придерживалось большинство, значит, оно самое верное».

Людей часто убеждают некоторые качества, никак не связанные с истиной вещей, о которых идет речь. Например, есть немало таких, кто слепо верит самым пожилым и опытным людям в том, что не зависит ни от возраста, ни от опыта, но лишь от света ума.

Благочестие, мудрость, умеренность — качества, без сомнения, в высшей степени ценные, и они должны создавать большой авторитет тем, кто ими обладает, во всем, что зависит от благочестия и чистосердечия. Но есть много такого, что зависит только от человеческого опыта и человеческой проницательности. При этом люди, имеющие превосходство в уме и знаниях, заслуживают большего доверия, чем другие. Однако нередко получается наоборот, ибо многие считают, что вернее следовать в этих вещах мнению людей добропорядочных.

Объясняется это отчасти тем, что умственное превосходство не так явственно, как внешняя порядочность, которую мы видим в благочестивых людях, отчасти же тем, что люди не любят проводить различия: различение их затрудняет, им нужно все или ничего. Если они по какой-то причине испытывают к человеку доверие, они верят ему во всем; если к кому-то у них доверия нет, они ни в чем ему не верят; они любят короткие, решительные и ближайšie пути. Но подобная настроенность, хотя она свойственна очень многим, противна разуму, который подсказывает нам, что одним и тем же людям надо верить не во всем, поскольку не во всем они превосходят других, и что нельзя умозаключать таким образом: «Это человек степенный, значит, он умен и сведущ во всех вопросах».

* * *

Правда, если есть извинительные заблуждения, то это такие, в которые впадают, полагаясь больше, чем следует, на мнение тех, кого считают добропорядочными людьми. Но существует иллюзия гораздо более нелепая и, однако, весьма распространенная, а именно: верить, что человек говорит истину, потому что он знатен, богат или облечен саном.

Не то чтобы кто-нибудь сознательно делал такие умозаключения: «У него сто тысяч ливров годового дохода, следовательно, он прав; он знатного происхождения, следовательно, надо верить, что он говорит истину; это человек небогатый, следовательно, он неправ», но все же в умах большинства людей происходит нечто подобное и эти неявные умозаключения незаметно для них берут власть над их суждениями.

Одни и те же слова, произнесенные знатной особой и человеком незначительным, скорее всего одобряют в устах этой знатной особы, но даже не соизволят выслушать из уст человека низкого происхождения.

Несомненно, что одобрение слов и поступков знатных людей во многом объясняется угодливостью и лестью и что они часто вызывают одобрение также благодаря известному внешнему изяществу и благородному, непринужденному и естественному поведению, порой почти неподражаемому для людей низкого происхождения. Но несомненно и то, что многие одобряют все, что делают и говорят знаменитые люди, из внутренней приниженности своего ума, склоняющегося перед знатностью и не обладающего достаточно твердым взглядом, чтобы выдержать ее блеск, и что внешнее великолепие, которым они окружены, всегда внушает определенное уважение и производит некоторое впечатление даже на самых устойчивых к соблазнам людей.

Причина такого обмана кроется в испорченности человеческой души: испытывая жгучую страсть к почестям и наслаждениям, люди, естественно, высоко ценят богатство и вообще все, что доставляет эти почести и наслаждения. Из-за любви ко всем этим вещам, имеющим для них большую цену, тех, кто ими обладает, они почитают счастливыми и поэтому ставят их выше себя, взирая на них как на людей выдающихся и благородных. Привычка смотреть на них с почтением незаметно переносится с их состояния на самый их ум. Люди редко делают что-либо наполовину; и вот их уже наделяют душою столь же высокой, как и занимаемое ими положение, и их мнение признают неоспоримым. В этом причина доверия, которое им обычно оказывают в делах.

Но еще сильнее эта иллюзия в самих вельможах. Они не заботятся о том, чтобы исправить впечатление, какое на них производит их состояние. Среди них мало таких, которые не использовали бы в качестве довода свое положение и богатства и не считали бы, что их мнения должны одерживать верх над мнениями нижестоящих. Они не выносят, когда люди, на которых они смотрят с презрением, выказывают не меньше здравого смысла и ума, чем они сами, и потому они так нетерпимы к малейшим возражениям.

Все это проистекает из того же самого источника, а именно из ложных идей касательно своей знатности, благородства и богатства. Вместо того чтобы рассматривать их как нечто постороннее по отношению к своему бытию и не мешающее им быть совершенно равными прочим людям в отношении души и тела и обладать рассудком столь же слабым и столь же подверженным заблуждению, как и у всех остальных, они, так сказать, включают в свою сущность все эти качества — «знатный», «благородный», «богатый», «хозяин», «господин», «государь»; они прибавляют их к своей идее о себе самих и сами не представляют себя иначе, как со всеми своими титулами, во всем своем великолепии и со всей своею свитой.

Ограниченность человеческого ума такова, что решительно все служит человеку для того,

чтобы сделать более величественной ту идею, какую он составил о себе самом. Если у кого-то красивый дом, пышные одежды, густая борода, он уже мнит себя более одаренным; посмотреть на него, так он больше уважает себя сидящим верхом на лошади или усевшимся в карету, нежели пешим.

Мы можем, насколько это в наших силах, приучить себя не придавать никакого веса всем тем качествам, которые не могут способствовать отысканию истины, а тем, которые этому способствуют, придавать вес лишь постольку, поскольку они служат этому на деле. Возраст, знания, опыт, ум, сообразительность, скромность, пунктуальность, трудолюбие помогают отысканию сокровенных истин, и, таким образом, эти качества заслуживают того, чтобы на них обращали внимание. Однако их следует тщательно взвешивать и затем сопоставлять с доводами против. Ибо из каждого из них в отдельности нельзя заключить ничего определенного, поскольку известны совершенно ложные мнения, с которыми были согласны люди очень умные и обладавшие многими из этих качеств.

* * *

Люди обычно склонны считать, что человек прав, когда он говорит с изяществом, с легкостью, чинно, сдержанно, мягко, и наоборот, они думают, что человек заблуждается, если у него неприятная манера говорить или если он обнаруживает горячность, озлобленность, самомнение в своих словах и поступках.

Однако, если судить о сути вещей только по этим внешним, бросающимся в глаза манерам, не избежать частых ошибок. Ведь есть люди, которые чинно и скромно говорят глупости; иные же, напротив, и вспыльчивы, и охвачены какой-то страстью, которая написана у них на лице или проявляется в их словах, а истина все же на их стороне. Есть люди весьма посредственного и очень поверхностного ума, которые имеют самые приятные манеры, позволяющие им беспрепятственно высказывать много ложных суждений. И наоборот, есть такие, кто, не умея себя держать, обладает, в сущности, большим, глубоким умом. Одни говорят лучше, чем думают, другие думают лучше, чем говорят. Таким образом, разум требует, чтобы те, кто на это способен, не судили об уме по внешним признакам и, несмотря ни на что, признавали истину не только тогда, когда она высказана человеком с неподобающими и неприятными манерами, но даже и тогда, когда к ней примешано много ложного, ибо один и тот же человек может говорить то истину, то ложь, быть прав в одном и неправ в другом.

Итак, эти две стороны надо рассматривать по отдельности, т. е. надо судить о манере по манере, о существе — по существу, а не заключать о существе по манере и о манере — по существу. Человек неправ, поскольку он дает волю гневу, но прав, поскольку он говорит истину, и наоборот, другой человек прав, говоря рассудительно и учтиво, но неправ, поскольку он высказывает ложные мысли.

Но так же как разумно следить за тем, чтобы не заключать, что мысль истинна или ложна, коль скоро она высказана таким-то или таким-то образом, разумно и то, чтобы желающие убедить других в какой-либо истине, которую они признали, учились облекать ее благоприятными манерами, располагающими слушателей к тому, чтобы принять ее, и избегать отталкивающих манер, способных только отвратить от нее людей.

Они должны помнить, что, если надо убедить в чем-либо окружающих, мало быть правым и что большое зло — быть правым и не обладать всем необходимым для того, чтобы заставить других признать свою правоту.

Если они по-настоящему уважают истину, они не должны ее порочить, пятная ложью и обманом, и если они искренне любят ее, они не должны вызывать у людей чувство враждебности и отвращения к ней, высказывая ее в неподобающей манере. Это главнейшее предписание риторики, которое тем более полезно, что оно относится не только к словам, но и к самой душе. Ибо, хотя это разные вещи — быть неправым в способе выражения и быть неправым по существу, однако погрешности в манере часто являются более грубыми и более серьезными, чем ошибки, касающиеся существа вопроса.

Действительно, надменность, самоуверенность, язвительность, упрямство, вспыльчивость в манерах всегда связаны с некоей болезнью духа, которая нередко более серьезна, чем недостаток понятливости, порицаемый в других. Можно даже сказать, что, когда людей стараются убедить таким образом, это всегда неоправданно. Конечно же, в порядке вещей всецело отдаваться истине, когда мы ее познаём, но несправедливо требовать от других, чтобы они считали истинными все наши мнения и не признавали иных авторитетов, кроме нас самих. Однако именно это и делают, когда высказывают истину в неподобающей манере. Ибо тон речи обычно доходит до ума прежде всяких доводов, потому что ум улавливает его скорее, чем уясняет основательность доказательств, которых часто и вовсе не понимают. Но тон речи, воспринимаемый прежде доказательств, выражает лишь тот авторитет, какой приписывает себе говорящий. Если он говорит язвительно и властно, это может не отталкивать других, поскольку у них создается впечатление, что он хочет завоевать посредством авторитета и своего рода тирании то, чего следует добиваться только убеждением и разумом.

Еще более неоправданно, если с такими неподобающими манерами оспаривают общепринятые мнения; ибо довод одного человека, разумеется, может быть убедительнее довода многих, когда он верен, но отдельный человек никогда не должен притязать на то, чтобы его авторитет возобладал над авторитетом всех остальных.

Итак, не только скромность и благоразумие, но и сама справедливость обязывает принимать смиренный вид, когда оспаривают устоявшиеся мнения или ниспровергают признанный авторитет. Иначе невозможно избежать неоправданного противопоставления авторитета отдельного человека или авторитету общественного мнения, или большему, или более утвердившемуся авторитету. Никакая сдержанность не будет чрезмерной, когда посягают на общепринятое мнение или давно обретенное верование.

Перевела с фр. В. П. Гайдамака

Издательство "Наука", 1991